

Борис Николаевич Флоря

доктор исторических наук
член-корреспондент РАН,
заведующий отделом истории средних веков
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, 32-А
E-mail: sredveka_inslav@land.ru
ORCID: 0000-0003-0779-2488

Об эволюции отношений государственной власти и дворянского сословия в Великом княжестве Литовском и Великом княжестве Московском в эпоху Позднего Средневековья

DOI: 10.31168/2782-473X.2022.1.01

Аннотация: При большом сходстве Великого княжества Литовского и Русского государства наблюдаются резкие различия в характере отношений между государственной властью и членами дворянского сословия. В статье рассматривается вопрос о том, когда именно сформировались эти различия. В статье показано, что еще в первой половине XV в. о существовании принципиальных различий между порядками в обоих государствах нет оснований говорить. Резкий перелом в этом отношении наступает в середине — второй половине XV в., когда владения дворян в Великом княжестве получают широкий податной и судебный иммунитет (привилей 1447 г.), а в Русском государстве этот иммунитет сокращается и зарождается поместная, связанная с увеличением удельного роста система условного дворянского землевладения.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Русское государство, государственная власть, привилегии дворянского сословия

Boris N. Florya

Dr. Sci. (History)
Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences, Head of Department
Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect, 32-A, Moscow, Russia
E-mail: sredveka_inslav@land.ru
ORCID: 0000-0003-0779-2488

On the Evolution of Relations between State Power and the Nobility in the Grand Duchy of Lithuania and the Russian State in the late Middle Ages

DOI: 10.31168/2782-473X.2022.1.01

Abstract: The Grand Duchy of Lithuania and the Russian state had similar structures, but there were at the same time sharp differences in the nature of the relations between the state authorities and members of the nobility in the two states. This article discusses the issue of when exactly this distinction between the two nations arose. The article shows that for the first half of the fifteenth century there was no reason to talk about the existence of fundamental discrepancies between the orders in both states. A sharp turning point in this regard came in the middle of the second half of the fifteenth century, when the possessions of the nobles in the Grand Duchy received extensive tax and judicial immunity (Privilej of 1447), and in the Russian state this immunity was reduced and a local system of conditional noble land ownership associated with the growth of specific areas began to emerge.

Keywords: The Grand Duchy of Lithuania, the Russian state, state power, privileges of the nobility

При рассмотрении путей развития Восточной Европы в эпоху Позднего Средневековья и Раннего Нового времени исследователями исторических судеб двух главных восточноевропейских государств — Великого княжества Литовского и Русского государства, было давно отмечено, что при большом сходстве хозяйственной жизни и общего характера социальных отношений (слабость городского сословия, зарождение крепостнических отношений и др.) наблюдаются различия принципиального характера между отношениями государственной власти и формирующегося дворянского сословия в обоих государствах. Чем объясняются серьезные социально-политические различия при значительной общности социально-экономического фундамента? Поиск ответа на этот вопрос — одна из важных задач исторической науки.

В данном тексте предлагается решение не столь масштабного и важного вопроса, но вопроса, важного для дальнейшей разработки этой темы. Автор попытается установить, когда именно, в какой конкретной исторической ситуации сложились качественные различия между характером отношений государственной власти и светских землевладельцев в Великом княжестве Литовском и в Северо-Восточной Руси.

Есть основания полагать, что в домонгольский период сохранялась принципиальная общность характера государственных институтов и социальных отношений различных древнерусских земель. Эта

общность сохранялась, как представляется, и в условиях, когда земельная часть Восточной Европы подверглась татаро-монгольскому завоеванию. Литва, где в XIII в. происходил процесс формирования классов и государства, во многом адаптировала модель общественной организации, существовавшей на соседних древнерусских землях.

Татаро-монгольское завоевание застало древнерусские земли на этапе перехода от организации общества эпохи Раннего Средневековья к «сословному» обществу развитого Средневековья с характерным для него формированием привилегированного церковного и светского землевладения. Процесс этот не был прерван, но переход оказался замедленным. Показательно в этом плане присутствие на всей территории Восточной Европы вплоть до XVI в. многочисленных реликтов такого института, характерного для раннесредневековой модели организации общества, как «служебная организация»¹.

Сохранялась долгое время и возникшая в эпоху Раннего Средневековья система кормлений. В России, как известно, кормления были отменены в середине XVI в. В Великом княжестве Литовском еще в раннем XVI в. в привилегиях некоторым землям фиксировалось право местных землевладельцев на получение кормлений на территории своей «земли»². Очевидно, значительная часть земельного фонда продолжала находиться в распоряжении власти и лишь при ее участии определенные доходы с нее могли попадать в распоряжение светских землевладельцев.

В этих условиях формирование крупного боярского землевладения проходило медленно. Как показало изучение достаточно значительных комплектов документальных материалов Литовской метрики второй половины XV в., вплоть до XV в. в Великом княжестве Литовском крупных компактных земельных комплексов, принадлежавших представителям знати, не было³. Известен целый ряд

¹ См. об этом: Флоря Б.Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 61 и сл.

² Любавский М.К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. М., 1910. С. 347 (привилей Смоленской земле 1505 г.), 354 (привилей Киевской земле 1529 г.).

³ См.: *Łowmiański H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983. S. 148–153, 427–430.

пожалований великого князя Витовта виленскому воеводе Монивиду. Это были отдельные села, разбросанные по разным территориям. Такой же характер имели и известные владения других вельмож того же времени⁴.

Села, разбросанные по отдельным уездам, были в конце XIV в. конфискованы у соратника Дмитрия Донского, боярина Федора Андреевича Свибла⁵.

К этому следует добавить, что по крайней мере в Великом княжестве Литовском пожалования делались на условиях, когда над этой собственностью сохранялся контроль верховной власти. Лишь в 1387 г., при принятии литовцами католицизма, литовские бояре-католики получили право этой собственностью свободно распоряжаться⁶. Сильная позиция великокняжеской власти по отношению к светским землевладельцам в Великом княжестве Литовском подчеркивается в целом ряде свидетельств современников, отмечавших суровость наказаний (вплоть до смертной казни за служебные проступки: известно свидетельство о боярах, повесившихся по приговору Витовта)⁷. Комментируя эти свидетельства, Г. Ловмянский справедливо отметил, что власть Витовта была более значительной, чем власть его современников великих князей московских⁸. Достаточно сильная позиция великокняжеской власти в обоих государствах во многом была связана с тем, что владения светских землевладельцев не обладали там широким податным и судебным иммунитетом. Правда, серьезные перемены имели место в конце XIV в., когда с принятием литовцами католической религии основанные на землях Великого княжества Литовского католические епископства (виленское, луцкое) получили самый широкий податный и судебный иммунитет — освобождение от налогов и повинностей и юрисдикции светских властей⁹. Получение таких документов было важным событием

⁴ Ibidem. S. 142–143.

⁵ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 54–55, 60.

⁶ *Działyński A. T.* Zbiór praw litewskich. Poznań, 1841. S. 1–2.

⁷ Анализ таких свидетельств см.: *Łowmiański H.* Op. cit. S. 368–369.

⁸ Ibidem. S. 371.

⁹ Привилей Ягайлы 1387 г. виленскому епископству (*Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej. T. I (1387–1507).* Kraków, 1948. No. 6. S. 14); Привилей Витовта луцкому епископству 1428 г. (*Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi Magni ducis Lithuaniae (1386–1430) / Zebr. J. Ochmański.* Warszawa; Poznań, 1986. No. 37. S. 46).

в истории Великого княжества, но не создавало качественных различий между порядками Литвы и Москвы.

Современник Витовта, выдавшего жалованную грамоту луцкому епископству, митрополит Киприан¹⁰, в своих владениях в Великом княжестве Московском пользовался также полной судебной властью и не платил в великокняжескую казну ничего, кроме «выхода» в Орду. Вместе с тем обращает на себя внимание, что в грамотах другим католическим учреждениям формулы, подобные тем, которые читаются в грамотах епископам, не встречаются. Иммунитет их владений, вероятно, не был полным. Не встречаются такие формулы и в грамотах Витовта светским землевладельцам. Сохранилась грамота Витовта 1407 г. виленскому воеводе Монивиду на пожалованные ему владения. В этом документе, адресованном одному из первых лиц в государстве, указывалось только, что он должен держать эти земли так же, как другие землевладельцы Литовской «земли»¹¹. Сохранился и ряд грамот Витовта на земле на Подляшье, где указывалось, что владельцы должны выполнять «omnia servitia, contributiones et exactiones terrestres», т. е. различные обязательства по отношению к государственной власти, как это принято на «русских» землях¹². Перечень таких обязательств, от которых освобождались владения католических епископов в Великом княжестве, читается в выданных им жалованных грамотах. Здесь прежде всего следует отметить всеобщий налог «exactio terrestre generale», называвшийся в Литовской земле — «srebrczyzna», а на Волыни — «wolowszczyzna». Но наряду с этим фигурирует и многое другое — оброки овсом, пшеницей и сеном, корма для представителей власти при их поездках (stationes), строительство крепостей и мостов, транспортные повинности, разного рода «службы» и работы в великокняжеском хозяйстве.

Ряд таких конкретных «служб» и работ перечисляется в таком документе, как привилей Сигизмунда I Киевской земле 1529 г. Здесь отмечается еще один важный момент: великокняжеские люди, занятые

¹⁰ Текст договора великого князя Василия Дмитриевича с Киприаном см.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). М., 1964. Т. III. № 6. Анализ документа см. *Черетин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. М., 1951. С. 119 и сл.

¹¹ Vitoldiana. No. 70.

¹² Там же. No. 90, 111, 113, 115.

важными промыслами (как, например, ловля бобров) могли беспрепятственно это делать на частновладельческих землях¹³. Правда, при принятии католической религии Ягайло привилеем 1387 г. освободил население владений принявших католицизм литовских бояр от участия в работах в великокняжеском хозяйстве¹⁴. Это боярство, очевидно, должно было стать опорой власти в многонациональном и многоконфессиональном государстве. Действие привилея не распространялось на другие группы землевладельцев Великого княжества и было очевидно, что другие обязательства и литовские бояре-католики должны были соблюдать. В Городельском привилее 1413 г. не случайно подчеркивалось, что «*barones*» должны «*ad constructionem et erectionem castrorum vias expeditionales facere et tribute dare*»¹⁵.

По отношению к Великому княжеству Московскому мы не полагаем такими документами общего характера, а грамоты отдельным светским землевладельцам сохранились лишь начиная со второй четверти XV в., но некоторые общие выводы они позволяют сделать. Уже в XIV в. существовала большая совокупность налогов и повинностей, лежавших на землях разного рода, в том числе на землях бояр и детей боярских¹⁶. Главное место в этой совокупности обязанностей занимал главный налог — «дань» (соответствующий *tributum* у Великого княжества Литовского). Постоянного освобождения от этого налога нет ни в одной из сохранившихся грамот светским землевладельцам. Отсутствует в них и освобождение от «городового дела» — работ по строительству и ремонту городских укреплений. Не получила от них освобождения и Мария, вдова Василия Борисовича Копнина, богатого землевладельца и боярина серпуховских князей¹⁷. Таким образом, главные обязанности по отношению к государству это владение должно было исполнять. Вместе с тем знатная вдова получила и ряд привилегий. Жители владения освобождались от работ в великокняжеском хозяйстве («ни коня моего не кормят,

¹³ Текст привилея см.: *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-русского государства. С. 355–356.

¹⁴ *Działyński A. T.* Zbior praw litewskich. Poznań, 1841. S. 1–2.

¹⁵ *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-русского государства. С. 299.

¹⁶ Сводку данных привел в своем третьем очерке А. Д. Горский. См.: *Горский А.Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси. М., 1960.

¹⁷ АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 224; о В. Б. Копнине см.: *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в северо-восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 149.

ни сен моих не косят»), от транспортных повинностей («ни ям, ни подвода»), от кормов наместников и волостелей. Так выглядел податной иммунитет вотчины знатного лица. Судебная власть предоставлялась «опроче душегубства», т. е. полной судебной власти она не получила. Важно отметить, что далеко не все пользовались такими правами. Так, сын боярский Г. Свиныйн, которого великий князь Василий II пожаловал своим сельцом Романовским, получил для этого владения только освобождение от кормов наместников и их тиунов¹⁸. А костромич Иван Кафтерев на земли в Костромском уезде получил освобождение от налогов и повинностей от судебной власти наместников только на срок — «до уроков», а по истечении срока их жители «потянут з боярскими сиротами в дань мою по силе, а судом к городу»¹⁹. Примеры эти ясно показывают, что каких-либо общих норм, определявших статус владений членов боярского сословия в Великом княжестве Московском, в середине XV в. не было.

При всей ограниченности имеющихся сведений очевидно, что еще в первой половине XV в. нельзя отметить каких-либо качественных различий в социально-политической организации общества Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского. И там, и здесь наблюдается сильная позиция великокняжеской власти по отношению к членам формирующегося дворянского сословия.

Перемены обозначились в жизни Великого княжества Литовского в 1430–1440-е гг. Начало перемен обозначил привилей Сигизмунда Кейстуовича 1434 г., по которому «бояре» русских земель Великого княжества и православные бояре Литовской земли получили все права, которые, по грамоте Ягайло 1387 г. были предоставлены литовскому боярству. Кроме того, владения всех светских землевладельцев были освобождены от внесения в великокняжескую казну хлебного оброка — «дякла»²⁰. Речь шла о ликвидации лишь одного, хотя и важного обязательства светских землевладельцев Великого княжества по отношению к государственной власти, и тем самым качественные отличия от порядков в Великом княжестве Московском не возникали. Однако уже к этому времени обозначились некоторые важные моменты. Во-первых, очевидно стремление православных

¹⁸ АСЭИ. Т. III. № 99.

¹⁹ Там же. № 239.

²⁰ Текст привилея: *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-русского государства. С. 302–304.

«русинов» — бояр Великого княжества Литовского — к расширению своих сословных прав. Если привилей Ягайлы 1387 г. был, возможно, результатом инициативы монарха, стремившегося добиться согласия на соединение своего государства с Польшей, то привилей 1434 г. явно явился результатом давления со стороны важного слоя дворянского сословия Великого княжества. Во-вторых, к этому времени обнаружилась слабость государственной власти, вынужденной согласиться на серьезные ограничения своей власти и доходов.

Наметившиеся перемены в отношениях между государственной властью и дворянским сословием получили завершение в 1447 г., когда сложились новые нормы отношений между ними, оформленные привилеем Казимира Ягеллончика 1447 г. Здесь имели дело две принципиальные перемены. Дворянская собственность освобождалась «от дани и заплаты» (прямо указаны при этом «серебщизна» и «дякло») и от «несправедливых работ» (подводная повинность, сенокосение и др.). Обязанности по отношению к государству ограничивались работами по строительству и укреплению городов, строительству и ремонту мостов²¹. Другая важная новация состояла в том, что землевладельцам предоставлялась вся полнота судебной власти над подданными: подданный по всем вопросам должен был обращаться в суд своего «пана»²².

Оценивая эти нормы привилей 1447 г., М. К. Любавский писал: «Благодаря этим уступкам добрая половина населения, если не большинство, почти совсем вышла из-под непосредственной власти великого князя и попала под власть землевладельцев», что означало очень серьезное изменение в соотношении сил между государственной властью и дворянским сословием. Лишенный постоянных налогов великий князь оказывался в зависимости от «доброй воли» землевладельцев²³.

Тем самым возникли принципиальные различия между порядками в Великом княжестве Литовском и Русском государстве.

²¹ Законодательные акты Великого княжества Литовского XV–XVI вв. Л., 1936. С. 8–9. Нормы эти затем вошли в первый Литовский статут (Раздел I. Ст. 22).

²² Там же. С. 9–10.

²³ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-русского государства. С. 72–73. Правда, власть оказывала определенное противодействие введению норм привилей в жизнь по крайней мере на южных землях Великого княжества, но в начале XVI в. в целом ряде актов и эти земли были освобождены от уплаты главного налога («воловщины», «подымщины») — Яковенко М. Н. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVI ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 44–45.

В Русском государстве середины — второй половины XV в. многие светские землевладельцы не обладали ни полнотой судебной власти, ни освобождением от основных налогов и повинностей.

Обращаясь к жалованным грамотам Ивана III 80-х гг. XV в., вышедшим из великокняжеской канцелярии уже после образования единого Русского государства, можно отметить целый ряд документов, по которым землевладелец получал только освобождение от кормов в пользу наместников и волостелей²⁴. Однако сохранились и грамоты, предоставлявшие ряд освобождений от обязанностей по отношению к государству — не только от кормов наместников и волостелям, но и от транспортных повинностей («яма и подводы»), и от работ в великокняжеском хозяйстве²⁵. Правда, ни один из адресатов сохранившихся грамот не получил всей полноты судебной власти над подданными, но в целом ряде документов судебная власть была признана за землевладельцем в достаточно широком объеме — «опроче душегубства»²⁶.

Обозначившиеся отличия были важными. В Русском государстве 80-х гг. XV в. существовал, вероятно, достаточно значительный слой землевладельцев (некоторые из них получали кормление, т. е. принадлежали к верхнему слою формирующегося дворянского сословия), которые не обладали освобождением от основных обязанностей по отношению к государству и полнотой судебной власти. Вместе с тем ряд привилегий для таких людей, не принадлежавших к кругу знати, был налицо, и судебный иммунитет они могли получать в достаточно широком объеме. Тем самым противопоставление не являлось абсолютно контрастным. Сохранялась возможность того, что в дальнейшем податной и судебный иммунитет светских землевладельцев и в Великом княжестве Московском будет расширен до таких пределов, как в Великом княжестве Литовском.

Развитие здесь пошло, однако, в другом направлении. Начиная с 90-х гг. XV в. сохранившиеся многие десятки жалованных грамот конца XV в. — первой половины XVI в. не содержат освобождения не только от обязанностей по отношению к государству²⁷, но и от кормов наместников и волостелей (последнее освобождение давалось,

²⁴ АСЭИ. Т. III. № 75, 110, 241, 243.

²⁵ АСЭИ. Т. I. № 398; Т. II. М., 1958. № 266; Т. III. № 106.

²⁶ АСЭИ. Т. I. № 398; Т. III. № 110, 241.

²⁷ *Капитанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века М., 1967. С. 12–13.

но очень редко). Судебная власть светским землевладельцам предоставлялась «опричь душегубства и разбоя», т. е. наиболее важные уголовные дела оставались в ведении великокняжеской администрации²⁸. По отношению к концу XV — первой половине XVI в. можно отметить, что жалованные грамоты такого типа получали неоднократно «добрые» дети боярские, получавшие кормления, а в середине XVI в. входившие в состав «государева двора», т. е. принадлежавшие к верхнему слою дворянского сословия. Показательно, что жалованные грамоты такого типа получали на свои владения члены боярских рязанских родов, составлявших элиту местного общества — и записанных в начальной части раздела по Рязани в «Дворовой тетради»²⁹.

Таким образом, бóльшая часть светских землевладельцев в России конца XV — первой половины XVI в. не обладала освобождением от налогов и повинностей в пользу государства и не обладала судебной властью по наиболее важным делам «высшей юрисдикции», что явилось следствием применения некоторых общих норм. Разумеется, при несении служб и уплате налогов владения детей боярских получали послабления по сравнению с «черными» землями, но такие послабления целиком регулировались властью.

Характерно, что одновременно с этими переменами имело место серьезное сокращение церковного иммунитета. Так, по грамотам 1504 г. владения митрополичьего дома не получили каких-либо освобождений от налогов и повинностей, и из митрополичьей юрисдикции исключили дела о душегубстве и разбое с поличным³⁰. В результате таких перемен характер отношений государственной власти и дворянского сословия, условия для диалога между ними приобрели качественно иной характер по сравнению с отношениями, складывавшимися в Великом княжестве Литовском.

Дворянство Великого княжества Литовского, опираясь на свой широкий податный и судебный иммунитет, усиленно добивалось в XVI в. от государственной власти все новых «вольностей», дворянство Русского государства не имело таких возможностей. Можно

²⁸ Там же. С. 15.

²⁹ См. жалованные грамоты Мих. Вас. Вердеревскому (Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 2008. Т. IV. № 83); Булгаку и Темише Каркадьмовым Таптыковым (Акты. М., 1997. Т. I. № 276); Степ. Фед. Сумбулову (Там же. № 449. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века. М., 1960. С. 166–167).

³⁰ *Капитанов С. М.* Социально-политическая история. С. 218–221.

отметить еще одно важное отличие. Если в Великом княжестве Литовском сумма определенных прав, полученных по привилею 1447 г. и более поздним актам, распространялась на всех членов дворянского сословия, и дворянское сословие как целое было заинтересовано в их сохранении, что, конечно, ослабляло позиции монархии, то в России перемены не затронули широких податных и судебных привилегий знати — правящего слоя представителей княжеских и боярских родов³¹. Это открывало для русской власти возможность использовать в своих интересах различия в положении разных частей дворянского сословия.

Все это ставит перед вопросом, каковы были причины столь разных путей эволюции отношений государственной власти и дворянского сословия в обществах, еще в раннем XV в. близких по своему характеру, когда радикальные различия сформировались в течение достаточно краткого хронологического периода. Поиски развернутого ответа на этот вопрос должны, как представляется, стать предметом большого самостоятельного исследования. Пока хотелось бы отметить лишь некоторые подходы к этой проблематике.

Говоря об эволюции отношений государственной власти и дворянского сословия в Великом княжестве Литовском, следует, разумеется, принимать во внимание то влияние, «которое оказывало тесное сближение с Польшею на внутреннее развитие Литовско-Русского государства»³². Действительно, знакомство литовского и «русского» боярства Великого княжества с сословными правами светских землевладельцев Польского королевства должно было побудить их попытаться приобрести для себя такие же права. Конечно, не случайно в привилеях 1413 и 1447 гг. специально отмечалось, что им предоставляются права, которыми пользуются «*barones et nobiles regni Poloniae*»³³. Эти формулы говорили, конечно, о желании власти показать, что она удовлетворяет соответствующие пожелания. Достаточно ли, однако, одного факта такого влияния для объяснения причин всех происходивших глубоких и серьезных перемен?

³¹ Об этих привилегиях знати см.: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 99–103.

³² *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-русского государства. С. 72.

³³ Текст привилеев см.: Там же. С. 299, 304. Более раннее положение определяет в первом из этих документов, как «яρμο неволи» — *iugum servitutis* (Там же. С. 298).

Как представляется, следует также искать ответ на вопрос, почему оказалась успешной политика укрепления позиций власти в Русском государстве. Здесь заслуживает внимания тот факт, что сокращение привилегий светских землевладельцев на рубеже XV–XVI вв. происходило одновременно со становлением поместной системы. Можно отметить, что целый ряд грамот 80-х гг. XV в. с очень скупыми податными привилегиями (только освобождение от кормов наместникам и волостелям) были выданы именно владельцам первых поместий³⁴. К этому следует добавить, что на территории Новгородской земли, где поместные раздачи имели наиболее значительный размах и поместье являлось, по существу, единственной формой светского землевладения, помещик вместе с поместьем получал «отдельную выпись», где перечислялись виды доходов с поместья и подчеркивалась обязанность помещика содержать его в хорошем порядке, иначе придется «платити великих князей дань и посошная служба самим, а от великих князей в том быти им в опале»³⁵. Этот пример особенно ярко показывает связь в политике русской великокняжеской власти между наделением членов дворянского сословия условной земельной собственностью и сокращением их привилегий и усилением контроля власти над их деятельностью. Эти черты в политике русской власти представляют интерес также и потому, что сходные явления прослеживаются в политике великих князей литовских и после появления привилея 1447 г. Целый ряд новых земельных пожалований давался «до воли и ласки» или с указанием срока, а сами они в ряде случаев назывались «поместьями». Условия таких держаний заметно отличались от статуса дворянской собственности по нормам привилея 1447 г.: их владельцы и жители должны были нести целый ряд различных «служб» в пользу государства и его представителей³⁶.

³⁴ См. АСЭИ. Т. III. № 75, 110, 241–243.

³⁵ См. тексты таких документов 1502 и 1503 гг. — Акты служилых землевладельцев... Т. IV. № 293, 321.

³⁶ *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-русского государства. С. 119–120, 122.

Литература

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 586 с.

Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян северо-восточной Руси. М.: Изд-во Московского университета, 1960. 264 с.

Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М.: Наука, 1967. 392 с.

Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л.: Наука, 1969. 605 с.

Флоря Б. Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56–74.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 427 с.

Яковенко М. Н. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVI ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ: Наукова думка, 1993. 416 с.

Łowmiański H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań: Wydawnictwo Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1983. 686 p.

References

Cherepnin L. V. *Russkije feodal'nyje arkhivy XIV–XV vekov*. Part 2. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1951. 427 p.

Floria B. N. «Sluzhebnaia organizatsiia» i jeje rol' v razvitii feodal'nogo obshchestva u vostochnykh i zapadnykh slavian. *Otechestvennaia istoriia*, 1992, no. 2, pp. 56–74.

Gorskii A. D. *Ocherki ekonomicheskogo polozheniia krest'ian severo-vostochnoi Rusi*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1960. 264 p.

Iakovenko M. N. *Ukraïns'ka shliakhta z kintsia XIV do seredyni XVI st. (Volyn' i Tsentral'na Ukraïna)*. Kyiv: Naukova dumka, 1993. 416 p.

Kashtanov S. M. *Sotsial'no-politicheskaia istoriia Rossii kontsa XV — pervoi poloviny XVI veka*. Moscow: Nauka, 1967. 392 p.

Łowmiański H. *Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego*. Poznań: Wydawnictwo Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1983. 686 p.

Nosov N. Je. *Stanovlenije soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenii v Rossii. Izyskaniia o zemskoi reforme Ivana Groznogo*. Leningrad: Nauka, 1969. 605 p.

Veselovskii S. B. *Issledovaniia po istorii klassa sluzhilykh zemlevadel'tsev*. Moscow: Nauka, 1969. 586 p.